
А. А. СКВОРЦОВ

**ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ
И. А. ГОБОЗОВЕ**

С Иваном Аршаковичем Гобозовым я познакомился еще в студенческие годы, когда вместе со своими однокашниками, студентами 5-го курса философского факультета, приходил на заседания кафедры социальной философии. Тогда я, правда, был еще слишком мал, чтобы оценить суждения профессора. А его книгу «Введение в философию истории» я прочитал уже в аспирантуре, когда писал на кафедре этики первую в России диссертацию по философии войны. В то время меня очень удивляло: почему в учебниках по социальной философии уделяется так мало места феномену войны? Она же была вечным спутником человечества, меняла карту мира, серьезно влияла на сознание людей и все сферы общества. Кроме того, не было ни одного крупного философа, не рассуждавшего о войне, но почему же тогда в нашей исследовательской литературе войне уделялось так мало внимания? В книге же И. А. Гобозова войне была посвящена достаточно подробная глава, и его суждения о ней были не политологическими, а именно философскими. Автор трактовал войну как трагедию человечности, где люди становятся жертвами игры различных социально-политических сил. Позже, когда я начал работать на философском факультете, состоялся наш единственный в жизни, но очень памятный для меня спор, касавшийся философии войны К. Клаузевица. Я тогда доказывал, что Клаузевица ошибочно причисляют к гегельянцам: исследователи показали, что Гегеля он никогда не изучал, а единственным философским влиянием, которое он испытал, была философия жизни. Именно поэтому Клаузевиц подчеркивал роль иррациональных сил, влияющих на боевые действия, а также эмоцио-

нальные «моральные величины». Его убеждение, что «война есть просто продолжение политики другими средствами», следует трактовать не как попытку показать, что у войны есть некий базис, а как указание на несомненный факт, что война – это неотъемлемая часть культуры, и она зависит от мировоззренческих установок различных народов. Но у Ивана Аршаковича находились свои аргументы: понимание войны Клаузевицем как вечно меняющегося процесса, где рациональный расчет сопровождается влиянием культуры, а иногда и иррациональной ненавистью, сближает взгляды самого известного философа войны с идеями Гегеля. Сейчас же, изучив вопрос более подробно, я понимаю, что истина лежит где-то посередине.

Но наиболее яркие впечатления от общения с И. А. Гобозовым у меня остались со времен нашей совместной работы в Диссертационном совете, где я был ученым секретарем, а Иван Аршакович – самым активным и ответственным членом Совета, не пропускавшим ни одного заседания. Не было ни одного собрания, где бы он не выступал с яркой, запоминающейся речью. Как-то раз, на защите диссертации по этическим взглядам Ж.-П. Сартра, И. А. Гобозов рассказал, что несколько раз видел самого Сартра, когда стажировался во Франции. Однажды знаменитый философ зашел к нему в комнату общежития и попросил подписать петицию об улучшении жизненных условий студентов. В то время, продолжал И. А. Гобозов, Сартр во многом отошел от своих ранних позиций, связанных с экзистенциализмом, и увлекся идеями революционного марксизма. Забота о студентах стала для него видом социального служения.

В нашем Диссертационном совете защищались диссертации не только по этике, но и по философии религии, а Иван Аршакович был убежденным атеистом. Но он всегда ценил профессионализм сделанной работы и глубину авторской аргументации. По работам с религиозной тематикой у него всегда возникала увлекательная полемика с профессором В. С. Глаголевым, причем этот спор всегда ждали и даже предвкушали. Надо сказать, что их полемика ве-

лась крайне уважительно, без резких суждений, на высоте академической культуры. В. С. Глаголев придерживался в большей степени позиций религиозной антропологии, а И. А. Гобозов защищал материалистические убеждения. Как-то раз зашел спор по предельным вопросам о вере в Бога и бессмертии души, и Иван Аршакович сказал: «Как атеист я знаю, что после смерти ничего нет, но я уважаю тех, кто имеет мужество верить в бессмертие».

Сейчас я сожалею, что мало общался с Иваном Аршаковичем; когда Диссертационный совет прекратил работу, то встречаться мы стали, только когда он заходил к нам на кафедру, чтобы узнать, в каком состоянии находится очередной номер журнала «Философия и общество». Но, встретившись, не расходились долго: И. А. Гобозов очень критично относился к тому, что сейчас происходит в науке и образовании, и по этому поводу мог долго говорить. Особенно его возмущала униженность ученых, сведение их положения к роли ничтожного чиновника, задавленного бюрократической суетой. По мнению Ивана Аршаковича, государство не вправе указывать ученым условия их работы, а само академическое сообщество должно не стесняться отстаивать свою независимость. Он полагал, что науку должны развивать увлеченные своим делом ученые и педагоги, не боящиеся смелых выводов, противоречащих конъюнктуре.

Кончина И. А. Гобозова означает для меня уход очень яркой личности, человека высочайшей культуры, с которым можно было говорить на любые интеллектуальные темы. К сожалению, таких людей у нас становится все меньше.